

История о божественном мече Чжучжао в мире заклинателей уже давно стала заезженной притчей — ее способен пересказать буквально каждый. В древние времена, когда повсюду свирепствовали твари и чудовища, повергая землю в хаос, а народ — в бедствия, владыка Яоцюз сотворил горнило из горы Чишань, взял железо с горы Хуаншань и, закалив клинок кровью собственного сердца, выковал меч для истребления демонов, назвав его Чжучжао. Самым лютым и могущественным из тогдашних чудовищ был Цзюин, что обитал на берегах крайнего севера: он изрыгал воду и пламя, а голосом напоминал плач младенца. Владыка Яоцюз, ступая по Пламени красного лотоса и держа в руках божественный меч Чжучжао, прошел с юга на север, сокрушив тысячи монстров, пока наконец не сошелся в битве с Цзюином. У Цзюина было девять голов и девять жизней, а сам он отличался невероятным коварством и жестокостью. Лишь спустя несколько лет неустанных сражений владыка Яоцюз сумел лишить его всех жизней, кроме последней. Заключительная битва разразилась в Северных землях, в городе Линьдун. В старых хрониках нет подробных описаний — упомянуто лишь мимоходом, что владыка Яоцюз сгинул вместе с Цзюином. Когда свирепая метель наконец утихла, люди вошли в город и обнаружили владыку Яоцюз: пусть жизнь и покинула его, он с мечом в руке все так же величественно возвышался между небом и землей.

Се Жэнь пододвинулся ближе и поинтересовался:

— Брат Фэн, в вашей семейной библиотеке больше всего книг. Находилось ли там хоть какое-то упоминание о божественном мече Чжучжао?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Владыка Яоцюз обрел вечный покой в городе Линьдун, однако в день погребения божественный меч сам вылетел из гроба. Как оказалось, когда Чжучжао разил чудовищ, его лезвие сплошь охватывал красный лотос, а закалка в крови тысяч демонов зародила в нем дух. Он не пожелал покоиться под землей и лишь стремился исполнить волю хозяина — продолжать истребление демонов.

С тех пор в мире появился меч, способный летать сам по себе. Расправившись с остатками своры Цзюина, он устремился дальше на север. Поначалу заклинатели относились к Чжучжао с глубоким почтением, видя в нем своего сильнейшего соратника. Но по мере того как нечестивых тварей становилось все меньше, а в поднебесной воцарялся покой, заклинатели с изумлением обнаружили, что Чжучжао и не думает останавливаться. Не оставалось демонов — он разил злодеев среди людей; не находилось великих злодеев — он карал за мелкие проступки. Словом, стоит кому-то оступиться, будь то даже банальная кража птицы или собаки, этот человек рисковал расстаться с жизнью.

Видя, что Чжучжао окончательно вышел из-под контроля, заклинателям пришлось вновь сплотиться. Развернув сеть из духовных талисманов, они наконец заточили божественный меч под горой Тайцан, и лишь тогда в мир вернулось долгожданное спокойствие.

Се Жэнь подпер голову рукой:

— Но если послушать, выходит, Чжучжао не сделал ничего дурного.

Фэн Цяньсюэ посмотрел на него:

— Лишить человека половины тела за украденный мешочек с монетами — это «ничего дурного»?

Се Жэнь скривил губы:

— А кто просил его воровать? Вдруг это были последние деньги на лекарство, без которых больной бы умер? Разве это не равносильно убийству? Жизнь за жизнь — что тут не так?

Фэн Цяньсюэ спросил:

— А если эти деньги были предназначены не для спасения жизни?

Се Жэнь небрежно отмахнулся:

— Даже если и не для спасения, мелкие воришки все равно заслуживают кары.

Фэн Цяньсюэ напомнил:

— Но ты и сам частенько стаскиваешь фрукты на торжище.

Се Жэнь поперхнулся и состроил жалобную мину:

— Как можно это сравнивать! Брат Фэн, у торговков и почтенных матушек я пользуюсь любовью и уважением.

Фэн Цяньсюэ произнес:

— А что, если божественный меч Чжучжао не сочтет тебя столь уж любимым?

Се Жэнь задумался:

— Ладно, в этот раз признаю твою правоту.

Его тон звучал лениво, и трудно было понять, действительно ли его убедили или ему просто надоело обсуждать столь скучную тему. Подмигнув стоящей неподалеку служанке, он с улыбкой протянул руку:

— Сестрица, дай мне еще один фрукт.

Фэн Цяньсюэ недовольно произнес:

— Се Жэнь.

— Знаю, знаю, нужно вести себя степенно! Но ведь все вокруг с увлечением беседуют о божественном мече Чжучжао, им не до нас, — Се Жэнь очистил сочный плод и, прежде чем съесть самому, поднес половинку к его губам. — Попробуй.

Фэн Цяньсюэ попытался отклониться, но ему все равно умудрились засунуть в рот полную горсть сочной мякоти. Се Жэнь со смехом посмотрел на него:

— Хоть ты и не любишь сладкое, но фрукты солеными не бывают. Хочешь еще?

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Нет.

Се Жэнь отправлял оставшуюся половину себе в рот, скусил сок и едва не взвыл от зубовой боли. Корчась от оскотины, он пробормотал:

— Какая дрянь! Брат Фэн, почему ты меня не предупредил?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Потому что ты не спрашивал.

— Что значит «не спрашивал»? Да ты же нарочно! — Се Жэнь насупился. — Я заметил: хоть на лице у тебя ни единой эмоции, дурных замыслов хоть отбавляй. Прекрасно знаешь, что я терпеть не могу кислое и горькое, и просто хотел посмеяться надо мной.

Фэн Цяньсюэ поджал губы:

— Вовсе нет.

— Нет уж, ты должен съесть еще один!

— Хорошо.

— Так легко соглашаешься?

— Я спокойно ем кислое.

— ...Тогда не ешь.

— Угу.

И лишь когда пиршество подошло к концу, Фэн Цяньсюэ неторопливо обронил:

— Собрал соврать. Терпеть не могу кислинку.

Се Жэнь:

— ...

Фэн Цяньсюэ невозмутимо добавил:

— На войне все средства хороши.

Се Жэнь почувствовал, что в этот раз остался в глубоком убытке. Он цапнул со стола еще один плод, но, обернувшись, увидел, что Фэн Цяньсюэ уже взмыл на мече вглубь облачного моря. Пришлось срочно броситься вдогонку. Созданная стариком иллюзия еще не рассеялась до конца: вокруг по-прежнему цвели пышные сады и полыхали огненные цветы. Огненные нити, вырвавшиеся из ладони Се Жэня, затерялись в этом ярком салюте, оставшись незамеченными, но вынудили Фэн Цяньсюэ отступить на два шага.

Се Жэнь одной рукой ухватил его за плечо и вместе с ним повалился на спину пролетавшего журавля. Прижав его к себе, он велел:

— Открывай рот.

Фэн Цяньсюэ со смехом увернулся в сторону:

— Прочь!

Пока они шутливо боролись среди облаков и вспышек пламени, мимо пролетал хмельной заклинатель. Смутно разглядев происходящее, он замер в глубоком шоке и спешно увлек своих

юных детей в сторону, обходя их подальше.

На следующий же день поползли слухи: дескать, после завершения пира Синхэ кто-то из гостей, видать, перебрал с хмельным и прямиком в облачном море творил... Безумие! Какое бесстыдство!

Се Жэнь прислонился к старой липе на территории академии Чанцэ и с изумлением произнес:

— Кто же это был так нетерпелив? И как мы только ничего не заметили?

Фэн Цяньсюэ сидел под деревом с книгой и без малейшего интереса ответил:

— Не ведаю.

Ли Хуань и Мо Чи, размышляя о пережитом, все же решили, что их вины тут нет. Ведь с какой стороны ни глянь, после «Песни Ма Лидэ о поощрении добродетели» должна была следовать скромная поминальная трапеза в память о былых невзгодах! Все должны были усесться у свечи с постными хлебцами в руках и со слезами на глазах чтить благородный дух великого Ма, а не бросать друзей, чтобы в одиночку пировать на пиру Синхэ!

Се Жэнь бросил им плод хунлинлун:

— Да вы сами сбежали!

Ли Хуань возмутился:

— Кто же знал, что планы брата Фэна окажутся столь странными! Мы-то думали, вы вечером вместе со стариком будете хлебать соленый капустный отвар!

Се Жэнь запихнул остатки фруктов им в руки и, зевая на ходу, поплелся назад:

— Ладно, неважно. Пойду вздремну немного, а вечером опять придется читать эту сутру... как там ее... очищения сердца.

Мо Чи попытался утешить Ли Хуаня:

— Забудь. Хоть А-Жэнь и попал на пир Синхэ, но развлекать брата Фэна — то еще наказание. Очищать сердце да поощрять добродетель... Мы с тобой точно не выдержали бы этой скукотищи, подобающей разве что восьмидесятилетним старикам.

Ли Хуань согласился:

— И то правда.

Ночью в небольшом дворике тускло горели желтые лампы.

Се Жэнь со слипающимися глазами дочитал второй свиток «Сутры очищения сердца и постижения Дао». Он уже собирался отправиться спать, когда Фэн Цяньсюэ удержал его за рукав и спросил:

— Прочтя это, какие мысли у тебя возникли?

«Какие еще мысли, одна мысль — я чертовски хочу спать!» Се Жэнь бессильно уткнулся лбом в его плечо и лукаво напомнил:

— Брат Фэн, уговор был только на совместное чтение, а про совместное обсуждение разговора не было. За это полагается отдельная плата.

Фэн Цяньсюэ непринужденно вытащил из мешочка цянькунь какую-то книгу:

— Если не будешь отлынивать, вот твоя отдельная плата.

Се Жэнь взглянул на рисунок на обложке и мгновенно очнулся. В мире заклинателей существовало четыре великих запретных книги, и «Хуа иньпин» была одной из них — из-за чрезмерной откровенности. А юноши в его возрасте всегда питают пылкий интерес к подобным вещам. Он с изумлением переспросил:

— Неужели в вашем клане Фэн держат подобные книги?

Фэн Цяньсюэ отозвался:

— И что с того?

Се Жэнь обнял его за плечи:

— Ради такой книги — по рукам!

Хоть до этого он и валился с ног от усталости, но «Сутру очищения сердца и постижения Дао» запомнил слово в слово. Налив себе пиалу теплого чая, чтобы окончательно прогнать сон, он заговорил:

— В книге сказано, будто лишь избавление от желаний дарует долгое спокойствие. Но мне кажется, это не совсем так. Желание иметь крышу над головой — это тоже желание, как и стремление сытно питаться трижды в день. Любой нормальный человек хочет жить в тепле, быть сытым и иметь кров. Кому охота бездумно облачаться в рваный мешок, питаться дикими ягодами и пить воду из горных ручьев? По-моему, эта книга... — вовремя вспомнив, что Фэн Цяньсюэ вроде как высоко ценит «Сутру очищения сердца и постижения Дао», Се Жэнь тут же сменил тон: — В общем, мне она не слишком нравится и соглашаться с ней я не обязан.

— Слишком крайнее суждение, — Фэн Цяньсюэ качнул головой. — Впрочем, то, что ты честно высказал свое мнение, говорит о том, что ты читал не для галочки.

Се Жэнь протянул руку:

— Тогда отдавай.

Фэн Цяньсюэ передал ему «Хуа иньпин», а сам поднялся, чтобы умыться и приготовиться ко сну.

<http://bllate.org/book/18374/1766290>